

МЫ ЖЕ
ДОГОВОРИЛИСЬ
НЕ ГОВОРИТЬ
ПРАВДУ

РОМАН

Сюжетник Сюжетник

Мы же договорились не говорить правду

<https://litres.ru/74070284>

SelfPub; 2026

Аннотация

За шесть дней до свадьбы Арина и Павел ещё верят, что их история — роман, а не сериал с неожиданным финалом. Он — экскурсовод, который влюбляется словами. Она — редактор, которая лучше слышит правым ухом и ненавидит слово «атмосферный». Всё идёт по плану: «Оранжерея» на Фонтанке, DJ, торт, клятвы без повторов.

В «Баре у Моста» подруга Лиза предлагает игру: каждый называет самый постыдный поступок в жизни. Миша признаётся в подставном отзыве, из-за которого закрылся ресторан. Павел — в фальшивых восторгах к своим экскурсиям. А Арина говорит то, от чего в зале стынет воздух: как в шестнадцать лет она напугала город «метеоритным дождём» и почему соврала про глухое ухо.

Свадьба трещит по швам: родня, тёща с тортом, кот в списке гостей и один скриншот не вовремя. «Мы же договорились не говорить правду» — чёрная комедия о любви, стыде и людях, которые слишком буквально понимают слово «исповедь».

Немного глупая, немного тревожная — и слишком узнаваемая, чтобы оставаться спокойной.

Содержание

Глава 1. Кофе, который не заказали	6
Глава 2. Предложение, которое прозвучало как экскурсия	8
Глава 3. Google-таблица и другие религии	9
Глава 4. Лиза и платье второго плана	10
Глава 5. Миша и речь, которая не кончается	11
Глава 6. Шесть дней. День шестой	12
Глава 7. Бар у Моста	13
Глава 8. Первая ночь после правды	17
Глава 9. Пятый день до катастрофы	18
Глава 10. Четвёртый день до катастрофы	20
Глава 11. Третий день до катастрофы	22
Глава 12. Второй день до катастрофы	24
Глава 13. Последний день до катастрофы	26
Глава 14. Репетиция без жениха	28
Глава 15. Ночь перед	29
Глава 16. 14 июня	30
Глава 17. Ужин на набережной	32
Глава 18. Год спустя	34
Глава 19. Разговоры на кухне (эпизод 1)	36
Глава 20. Музейные будни (эпизод 2)	57
Глава 21. Мама знает лучше (эпизод 3)	78
Глава 22. Клара между треками (эпизод 4)	101

Глава 23. Лиза и чужие свадьбы (эпизод 5)	123
Глава 24. Миша и лифты (эпизод 6)	146
Глава 25. Петербург мокрый (эпизод 7)	166
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Сюжетник

Мы же договорились не говорить правду

Глава 1. Кофе, который не заказали

Павел вошёл в «Букву на Невском» в тот вторник, когда город решил, что зима ещё не кончилась, хотя календарь упрямо показывал апрель. Внутри пахло обжаренным зерном и чужими амбициями — тем особым запахом, который бывает только в кофейнях, где barista знает тебя по имени, но всё равно пишет его неправильно на стакане.

Он искал подарок сестре — книгу, которую она упоминала в переписке полусловом. На полке стояла «Тишина после грома». Павел протянул руку.

— Простите, — сказал голос справа. — Это моя книга.

Девушка держала такую же «Тишину» — в твёрдом переплёте, с закладкой из билета на электричку. Очки в тонкой оправе. Выражение лица человека, чьё личное пространство вторглось с багажом и улыбкой.

— Я глуха на левое ухо, — сказала она. — Вы говорили в

это ухо. Слышала три слова из десяти. Судя по интонации, извиняетесь за что-то, чего не делали. Романтично или тревожно?

— Тревожно. Но могу повторить. С другой стороны.

— Арина. Редактор в «Северном тексте». Книга моя в том смысле, что я её редактировала.

— Павел. Экскурсовод. Гид по залам, где нельзя трогать экспонаты, но можно трогать людей словами. Получается не всегда.

Они просидели два с половиной часа. Павел узнал, что Арина ненавидит слово «атмосферный» и однажды чуть не устроилась в морскую академию, перепутав сайты. Арина узнала, что Павел может двадцать минут рассказывать про одну картину, не повторяя прилагательных.

— Назовите это полевой редакцией, — предложил он. — Проверяем текст на жизнеспособность.

Через три недели она поцеловала его у входа в Эрмитаж. Павел подумал: вот оно. Без драмы. Он ошибался.

Глава 2. Предложение, которое прозвучало как экскурсия

— Обратите внимание на левый угол, — сказал Павел, как перед группой из двадцати человек. — Там художник спрятал фигурку.

— Павел, у нас экскурсия для двоих.

— Нельзя. — Он достал коробочку. — Обратите внимание на кольцо. Арина, выйдешь за меня?

Кольцо было простым, золотым, без камня — Арина считала бриллианты маркетингом.

— Да, — сказала она через четыре минуты тридцать секунд, делая вид, что думает.

Свадьбу назначили на 14 июня, в «Оранжегие на Фонтанке». План — Google-таблица. Лиза редактировала. Миша комментировал и однажды заменил «торт» на «оркестр».

DJ — Клара, «надёжная», по версии Миши. Слова, которые потом будут преследовать его, как сирена «Скорой».

Глава 3. Google-таблица и другие религии

За четыре месяца до свадьбы у Арины было три святыни: редакторская, кухня и вкладка «Бюджет» в таблице, которую она открывала чаще, чем Instagram.

Строка «Фотограф» — жёлтая. «Цветы» — красная. «DJ Клара» — зелёная, потому что Миша настаивал.

— Она ставит так, что бабушки танцуют, — говорил он.

— Бабушки моей мамы танцуют и без DJ, — отвечала Арина. — Им достаточно чая с коньяком.

Павел смотрел на таблицу как на карту незнакомого города: красиво, но можно заблудиться.

— Главное — мы, — сказал он.

— Главное — строка «Непредвиденное», — ответила Арина. — Она пока нулевая. Это подозрительно.

Она не знала, что через две недели в «Непредвиденное» попадёт: «терапия», «сломанный нос», «возврат депозита за зал» и «новое платье, потому что старое осталось на спинке стула».

Глава 4. Лиза и платье второго плана

Примерка платья подружки невесты — ритуал, который Лиза переживала с профессиональной горечью. Сидело идеально. Это злило.

— Ты будешь красивее некоторых гостей, — сказала Арина.

— Это не комплимент, — ответила Лиза. — Это статистика.

Она любила Арину — по-настоящему, с тем видом любви, где готов выслушать про выбор салфеток два часа. Но иногда, глядя на Павла, думала: «Слишком много музея, мало хаоса». Потом стыдилась. Хаос приходит без спроса.

— На свадьбе не будет игр, — сказала Арина.

— Отлично, — сказала Лиза. И через месяц предложит игру, от которой захочется выключить свет во всём городе.

Глава 5. Миша и речь, которая не кончается

Миша писал речь для свадьбы с января. К марту там было четыре анекдота, две цитаты из «Википедии» и абзац про лифты «для общего развития».

— Сократи, — просил Павел.

— Лифты — метафора, — отвечал Миша.

— Метафора должна быть короче лифта.

Миша обиделся, потом согласился, потом добавил ещё один анекдот про лифт. Павел сдался. Сдаваться — тоже навывк жениха.

Глава 6. Шесть дней. День шестой

До свадьбы оставалось шесть дней. Город пах сиренью и асфальтом после дождя. Арина проверила рассадку гостей — стол №7: «конфликтная зона (кузины)». Павел репетировал танец. Получалось, будто он борется с невидимым противником.

Вечером — ужин вчетвером. «Без драмы», — сказала Арина. «Без алкоголя», — добавила Лиза. Оба обещания продержались меньше часа.

Глава 7. Бар у Моста

В «Баре у Моста» пахло кожаными диванами и чужими тайнами. Именно здесь, за третьим бокалом игристого, Лиза предложила игру.

— Давайте по кругу. Самый мерзкий поступок в жизни. Без фейерверков, но и без скидок.

— Это ужасная идея, — сказала Арина.

— Значит, идеальная для пятницы, — ответил Миша.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

После слов Арины наступила тишина — не та, что бывает перед громом, а та, что после него, когда все смотрят на небо и не знают, куда деть руки.

— Ты... серьёзно? — прошептал Павел.

— Я была ребёнком, — сказала Арина. — Глупым. Одиноким. Мне казалось, что если город испугается, он хотя бы на секунду будет единым. Я не думала про магазины. Я думала про себя.

— А ухо? — спросила Лиза резко. — Ты говорила, что с рождения.

Арина покраснела.

— Это... другая история. Я стреляла из отцовского ружья в лесу. Глушитель забыла. Не на людей. Никогда. Но ухо... да. Я соврала. Потому что стыдно было за глупость, а не за злость.

— Это разные стыды, — сказал Миша тихо.

— Для свадьбы — нет, — ответила Лиза. — Для свадьбы это один большой стыд с табличкой «фото зона».

Павел встал.

— Мне нужно... — он не закончил. Вышел. На улице шёл дождь — мелкий, назойливый, петербургский.

Арина не побежала за ним. Впервые за два года — не побежала.

«Мы же договорились не говорить правду», — подумала она. И поняла, что никогда не договаривались. Просто молчали красиво.

Глава 8. Первая ночь после правды

Павел не пришёл домой. Ночевал у Миши на раскладушке, которая хрустела при каждом вздохе, будто комментировала: «Ошибка. Ошибка».

Арина лежала в их квартире — их, пока — и смотрела в потолок. Потолок был белый, без комментариев.

Она написала: «Мне жаль». Удалила. Написала: «Поговорим?» Удалила. Написала: «Я та же». Отправила. Галочки прочитано не было до утра.

Утром Галина Петровна позвонила:

— Ты плачешь?

— Нет.

— Женщины перед свадьбой плачут от счастья. Если от другого — скажи. Я приеду.

— Мама, не надо.

— Уже выехала.

Мама всегда выезжала быстрее, чем дочь успевала сказать «нет». Это было в генах.

Глава 9. Пятый день до катастрофы

Осталось 5 дней. Google-таблица горела красным. Организатор спросила: «Подтверждаем?» Арина написала «да». Потом «подождите». Потом удалила переписку.

Павел ходил на работу и рассказывал туристам про Рембрандта так, будто Рембрандт лично его обманул. Туристам нравилось — трагедия в голосе гида добавляет аутентичности.

Лиза пыталась помирить. Миша пытался не усугубить. Получалось наоборот.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Арина проснулась в 6:47 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так

устроен ХХІ век: сначала экран, потом сознание. На экране — новость про пробки на мостах. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

Глава 10. Четвёртый день до катастрофы

Осталось 4 дня. Google-таблица горела красным. Организатор спросила: «Подтверждаем?» Арина написала «да». Потом «подождите». Потом удалила переписку.

Павел ходил на работу и рассказывал туристам про Рембрандта так, будто Рембрандт лично его обманул. Туристам нравилось — трагедия в голосе гида добавляет аутентичности.

Лиза пыталась помирить. Миша пытался не усугубить. Получалось наоборот.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он

потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

Глава 11. Третий день до катастрофы

Осталось 3 дня. Google-таблица горела красным. Организатор спросила: «Подтверждаем?» Арина написала «да». Потом «подождите». Потом удалила переписку.

Павел ходил на работу и рассказывал туристам про Рембрандта так, будто Рембрандт лично его обманул. Туристам нравилось — трагедия в голосе гида добавляет аутентичности.

Лиза пыталась помирить. Миша пытался не усугубить. Получалось наоборот.

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Галина Петровна позвонила в 8:03, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё

3 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

Глава 12. Второй день до катастрофы

Осталось 2 дня. Google-таблица горела красным. Организатор спросила: «Подтверждаем?» Арина написала «да». Потом «подождите». Потом удалила переписку.

Павел ходил на работу и рассказывал туристам про Рембрандта так, будто Рембрандт лично его обманул. Туристам нравилось — трагедия в голосе гида добавляет аутентичности.

Лиза пыталась помирить. Миша пытался не усугубить. Получалось наоборот.

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране

— напоминание о пробе тортов. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

Глава 13. Последний день до катастрофы

Осталось 1 день. Google-таблица горела красным. Организатор спросила: «Подтверждаем?» Арина написала «да». Потом «подождите». Потом удалила переписку.

Павел ходил на работу и рассказывал туристам про Рембрандта так, будто Рембрандт лично его обманул. Туристам нравилось — трагедия в голосе гида добавляет аутентичности.

Лиза пыталась помирить. Миша пытался не усугубить. Получалось наоборот.

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни,

которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

Глава 14. Репетиция без жениха

Репетиция церемонии прошла без Павла — «рабочий», сказала Лиза. С женихом-куклой из декораций, которую дядя Юра назвал «Павел 2.0, улучшенная версия».

— Он хотя бы не опаздывает, — сказала Галина Петровна. Арина не смеялась.

Клара прислала плейлист на согласование. Песня №4 — «тот самый трек». Арина не знала, что Клара когда-то танцевала под него с человеком, которого больше не помнила по имени. Музыка хранит то, что люди теряют.

Глава 15. Ночь перед

Ночью перед свадьбой Арина не спала. Павел — тоже. Они лежали в разных квартирах, смотрели в разные потолки и думали об одном: можно ли жениться на человеке, которого ты вчера боялся?

Лиза прислала голосовое: «Если что — я украду тебя. В смысле — поддержу. В смысле — оба». Арина сохранила. Не ответила.

Миша написал Павлу: «Если передумаешь — не стыдно. Если нет — тоже». Павел ответил: «Я иду». Две буквы и точка. Миша понял больше, чем хотел.

Глава 16. 14 июня

14 июня. День, который Google-таблица назвала «День Икс».

Утро свадьбы пахло лаком для волос и паникой. Арина сидела перед зеркалом. Лиза молчала — впервые за десять лет дружбы.

Павел застегивал запонки. Руки не слушались. Миша сказал: «Ты можешь не идти». Павел ответил: «Я иду. Просто не знаю куда — к жене или к вопросу».

В «Оранжейе» собрались сто двадцать человек. Сорок из них — «плюс один» от приглашения, ушедшего не тому Ивану.

Тост дяди Юры длился одиннадцать минут. Он говорил про корабли, которые «не боятся шторма, если капитан не пьёт». Галина Петровна шепнула: «Он пьёт».

Первый танец начался под песню, которую Арина выбирала три часа. На третьей минуте музыка оборвалась — Клара боролась с ноутбуком.

Слово «измена» прозвучало не там, где планировали. Планировали — нигде. Оно прозвучало у барной стойки, между коктейлем «Невский туман» и чьим-то чужим секретом.

Кульминация наступила, когда Блейк — коллега Миши, которого пригласили «за компанию» — сказал громко, не

намеренно, но громко:

— Так она же вчера писала мне в два ночи!

Телефон не врёт так убедительно, если его не показывают. Но Лиза показала. Случайно. Наверное. Скриншот перелетел через стол, как бумажный самолётик в детской войне.

Арина посмотрела на Павла. Павел — на телефон. Потом — на Блейка. Блейк — в стакан.

— Это не то, что вы думаете, — сказала Арина.

— Я вообще перестал думать, — ответил Павел.

Она вышла через запасной выход — тот, который предназначен для персонала и людей, которым стыдно. Платье зацепилось за дверь. Лиза подбежала — опоздала на шаг.

Миша нашёл Павла у раковины в туалете. Нос кровоточил — Блейк оказался точнее, чем на корпоративе.

— Я её люблю, — сказал Павел.

— Я знаю, — сказал Миша.

— Тогда почему всё так?

— Потому что любовь — не таблица. В таблице ошибку можно удалить. В жизни — только скрыть лист.

Свадьбу отменили не официально. Просто гости уехали, как уезжают с фильма, когда кончилась лента — кто молча, кто с бокалом, кто с чужим пирожным в сумке.

Клара включила «I Will Survive». Никто не танцевал. Она всё равно доиграла до конца — профессиональная привычка.

Глава 17. Ужин на набережной

Через три дня после сорванной свадьбы Павел сидел в их любимой столовой — той, куда они ходили после музея, когда ноги уставали раньше сердца. Заказал два борща. Один — по привычке.

Арина вошла без предупреждения — или с ним; они оба перестали понимать разницу.

— Можно? — спросила она.

— Ты всегда можешь сесть, — сказал он. — Вопрос — могу ли я.

Они сели. Борщ остыл.

— Я не хочу оправдываться, — сказала Арина. — Хочу объяснить. Это разные кнопки.

— Нажми обе, — сказал Павел. — Я слушаю. В правое ухо. Как в первый раз.

Она говорила час. Он слушал. Где-то между «метеоритным дождём» и «отцовским ружьём» он понял: страшное в ней не зло — одиночество, упакованное в глупость. Он знал это чувство. Все знают. Не все признаются.

— Я... — начал он. Остановился. «Фальшивые отзывы» звучало честнее.

— Я знаю, — сказала она. — Миша рассказал. Я злюсь. Но не ухожу.

— Почему?

— Потому что уходят те, к кому равнодушны. А я к тебе зла. Значит — ещё нет.

Это была странная логика. Рабочая.

Глава 18. Год спустя

Через год они снова сидели в «Букве на Невском». Не те же стулья — их переставили. Не тот чай — сменили поставщика. Но правило осталось: говорить в правое ухо.

Лиза и Миша не поженились. «Мы слишком хорошо знаем друг друга», — сказала она. — «Это не приговор», — сказал он. — «Это диагноз», — ответила она. Они смеялись. Не всегда, но чаще, чем раньше.

Клара играла на чужой свадьбе — уже без героя в парке. «Чистая», — говорила она. «Скучная», — добавляла, — «но я устала от драмы. Хотя бы на выходных».

Павел подошёл к столу, где Арина читала ту же «Тишину после грома» — уже в новом издании, с другой обложкой.

— Можно? — спросил он. В правое ухо.

— Ты опоздал на год, — сказала она.

— Я шёл, — ответил он. — Просто долго выбирал дорогу. И ухо. И слова.

— И правду?

— Правду, — сказал он. — Но без игры. Без бокала. Без круга. Я — Павел. Я боюсь, что не достоин. И всё равно хочу попробовать.

Арина закрыла книгу.

— Я — Арина. Я однажды напугала город. И однажды напугала тебя. Больше не хочу быть страшной. Хочу быть

честной. Это сложнее.

Они не поцеловались — не сразу. Сначала посидели. Потом — пошли по Невскому под дождём без зонтов, как два человека, которые наконец перестали притворяться сухими.

Где-то в другом конце города Лиза говорила Мише:

— В следующий раз — без исповедей. Только карты. Или крокодил.

— Договорились, — сказал Миша.

— Мы же договорились не говорить правду, — добавила она и рассмеялась.

Это был смех без драмы. Почти. Но «почти» — тоже счастье. Особенно если ты знаешь, каково это — когда драма приходит без приглашения и садится за главный стол.

КОНЕЦ

Глава 19. Разговоры на кухне (эпизод 1)

На кухне у Лизы Миша мыли посуду — мирный договор после ссоры. Вода текла. Молчание было тёплым.

Галина Петровна позвонила в 9:30, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 5 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба врали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты —

нервы людей».

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Ко-

роче». Миша обиделся. Потом согласился.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Арина и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба врали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Моховой и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Су-

пруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо.

Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Лиза. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина проснулась в 6:47 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так

устроен ХХІ век: сначала экран, потом сознание. На экране — скидку на ковры. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Ко-

роче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Они сидели на кухне — Арина и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Ко-

роче». Миша обиделся. Потом согласился.

Арина проснулась в 8:03 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — голосовое от мамы. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Арина и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Миша сидел(а) у окна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал фильма, где все улыбаются. Это скорее сериал: сезон закончился, но сценаристы ещё не решили, продлевать ли на второй. А родственники уже обсуждают спойлеры в семейном чате.

Иногда Миша ловил(а) себя на желании перемотать. Но жизнь не стриминг: только пауза, которую все называют «подумать», и кнопка «продолжить», которую все называют «ну давай уже».

За окном — Петербург. Красивый даже тогда, когда тебе не до красоты. Город не обидится. Он привык.

Глава 20. Музейные будни (эпизод 2)

Павел провёл экскурсию для школьников. Мальчик спросил: «А если картина некрасивая?» Павел ответил: «Тогда мы говорим — смелая». Мальчик кивнул серьёзно. Взрослые учатся у детей не называть вещи своими именами — и теряют.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Они сидели на кухне — Павел и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по Моховой и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», —

сказал Миша. Никто не поверил.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Павел. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Павел и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Лиза. Оба ввали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Галина Петровна позвонила в 9:30, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 4 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Павел и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу

слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 4 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Моховой и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть

прогноз погоды без стыда».

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Павел. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я

позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Павел. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Арина проснулась в 9:30 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — скидку на ковры. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого ли-

бо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Лиза сидел(а) у окна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал фильма, где все улыбаются. Это скорее сериал: сезон закончился, но сценаристы ещё не решили, продлевать ли на второй. А родственники уже обсуждают спойлеры в семейном чате.

Иногда Лиза ловил(а) себя на желании перемотать. Но жизнь не стриминг: только пауза, которую все называют «подумать», и кнопка «продолжить», которую все называют «ну давай уже».

За окном — Петербург. Красивый даже тогда, когда тебе не до красоты. Город не обидится. Он привык.

Глава 21. Мама знает лучше (эпизод 3)

Галина Петровна и дядя Юра спорили у фуршета — чей торт лучше. Спорили так, будто от этого зависит брак. Зависело — но не торт.

Галина Петровна позвонила в 8:03, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 3 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот —

welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина проснулась в 6:47 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — реклама доставки суши. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Павел и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё

3 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс

— двигатель сюжета.

Арина проснулась в 8:03 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — скидку на ковры. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Арина и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы вы-

пили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по Моховой и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого ли-

бо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Галина Петровна позвонила в 6:47, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 3 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хо-

тя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — реклама доставки суши. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Они сидели на кухне — Павел и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а)

Лиза. Оба ввали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Павел. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого

праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и

гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — реклама доставки суши. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Арина и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — напоминание о пробе тортов. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. —

Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот —

welcome».

Они сидели на кухне — Павел и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Галина Петровна позвонила в 9:30, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 3 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Они сидели на кухне — Павел и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмо-

ции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Лиза. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Арина сидел(а) у окна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал фильма, где все улыбаются. Это скорее сериал: сезон закончился, но сценаристы ещё не решили, продлевать ли на второй. А родственники уже обсуждают спойлеры в семейном чате.

Иногда Арина ловил(а) себя на желании перемотать. Но жизнь не стриминг: только пауза, которую все называют «подумать», и кнопка «продолжить», которую все называют «ну давай уже».

За окном — Петербург. Красивый даже тогда, когда тебе не до красоты. Город не обидится. Он привык.

Глава 22. Клара между треками (эпизод 4)

Клара между треками думала: музыка — единственная правда, которая не просит прощения. Люди просят. Песни — нет. Она завидовала песням.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Ко-

роче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмо-

ции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина проснулась в 9:30 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — реклама доставки суши. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмо-

ции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Они сидели на кухне — Павел и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким.

Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как

устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу

слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот

Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Арина проснулась в 8:03 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — голосовое от мамы. Она подумала: «Если это знак, то

очень плохо оформленный».

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз,

два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 2 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — новость про пробки на мостах. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Лиза. Оба вралли. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба ввали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что

платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Они сидели на кухне — Павел и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял.

Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба ввали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг»,

— оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — фото платья от Лизы. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Лиза сидел(а) у окна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал фильма, где все улыбаются. Это скорее сериал: сезон закончился, но сценаристы ещё не решили, продлевать ли на второй. А родственники уже обсуждают спойлеры в семейном чате.

Иногда Лиза ловил(а) себя на желании перемотать. Но жизнь не стриминг: только пауза, которую все называют «подумать», и кнопка «продолжить», которую все называют «ну давай уже».

За окном — Петербург. Красивый даже тогда, когда тебе не до красоты. Город не обидится. Он привык.

Глава 23. Лиза и чужие свадьбы (эпизод 5)

Эпизод из жизни героев — Лиза и чужие свадьбы. Свадьба близко, нервы на пределе, город мокрый.

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — реклама доставки суши. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал

это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 1 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа,

рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 1 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

Они сидели на кухне — Арина и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Павел и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел

— эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты —

нервы людей».

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Моховой и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо.

Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Большому проспекту и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот

Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Арина не спала. Павел притворялся спящим. Между ними лежала правда — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Галина Петровна позвонила в 9:30, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 1 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с по-

дозрением и тортом.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Они сидели на кухне — Павел и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про имму-

нитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Галина Петровна позвонила в 8:03, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 1 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Арина и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю

сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Они сидели на кухне — Арина и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся.

Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Павел ходил по залам музея и рассказывал про картины так, будто они лично его предали.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба ввали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как

устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

Галина Петровна приехала «просто помочь с центральными цветами». На самом деле — разведать. Она уехала с подозрением и тортом.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Они сидели на кухне — Арина и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и

гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Арина проснулась в 9:30 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — пропущенный от Павла. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

Лиза звонила Арине — Арина не брала. Лиза звонила Мише — Миша говорил «не знаю». Миша не знал — впервые за годы дружбы это было честно.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Передельываем.»

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли без-

алкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Лиза стояла перед зеркалом в примерочной и думала, что платье подружки невесты — это карьерный лифт для чужого праздника. Оно сидело хорошо. Это её злило: даже в роли второго плана она выглядела лучше, чем планировала.

Клара прислала голосовое длиной четыре минуты. Никто не дослушал до конца.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделываем.»

Миша сидел(а) у окна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал фильма, где все улыбаются. Это скорее сериал: сезон закончился, но сценаристы ещё не решили, продлевать ли на второй. А родственники уже обсуждают спойлеры в семейном чате.

Иногда Миша ловил(а) себя на желании перемотать. Но жизнь не стриминг: только пауза, которую все называют «подумать», и кнопка «продолжить», которую все называют «ну давай уже».

За окном — Петербург. Красивый даже тогда, когда тебе не до красоты. Город не обидится. Он привык.

Глава 24. Миша и лифты (эпизод 6)

Эпизод из жизни героев — Миша и лифты. Свадьба близко, нервы на пределе, город мокрый.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Они сидели на кухне — Арина и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот —

welcome».

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные отзывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Арина проснулась в 8:03 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — голосовое от мамы. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по Моховой и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Лиза шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала,

что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 6 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по улице Рубинштейна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь

раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Галина Петровна позвонила в 8:03, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 6 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

«Ты спишь?» — спросил(а) Миша. «Нет», — ответил(а) Арина. Оба ввали. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Арина проснулась в 9:30 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — пропущенный от Павла. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Миша шёл(ла) по Литейному и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты — нервы людей».

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Они сидели на кухне — Арина и Павел — и молчали так,

как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Арина долго молчала. Потом сказала: «В шестнадцать я позвонила на радио и представилась синоптиком. Сказала, что завтра — метеоритный дождь. Город скупил свечи и гречку. Меня не поймали. Я до сих пор не могу смотреть прогноз погоды без стыда».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

«Ты спишь?» — спросил(а) Арина. «Нет», — ответил(а) Павел. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

«Ты спишь?» — спросил(а) Лиза. «Нет», — ответил(а) Миша. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо. Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы вы-

пили и забыли договориться.

— Это хуже.

Они сидели на кухне — Павел и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Лиза рассказала, что в детстве убедила соседского мальчика: если три ночи подряд стоять на одной ноге у окна, появится сила. Мальчик простудился. «Я не знала про иммунитет», — сказала она. — «Знала про физику?» — «Плохо».

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его

историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес. Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Павел шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша открыл ноутбук, чтобы проверить речь для свадьбы, и вместо этого два часа смотрел видео про то, как устроены лифты. «Для общего развития», — объяснил он потом Павлу. — «На свадьбе может пригодиться. Лифты —

нервы людей».

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

«Ты спишь?» — спросил(а) Павел. «Нет», — ответил(а) Павел. Оба врал. Оба знали. Оба делали вид, что не знают. Так начинаются большие проблемы — с маленького вранья в темноте.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Проба танца: Павел наступил Арине на подол — один раз, два, три. «Это хореография страдания», — сказала Лиза. «Переделяваем.»

Клара сидела в студии и подбирала треки. Между «I Will Survive» и «Калинку» лежала пустота — место для песни, которую ещё не написали, но которую кто-то уже потерял. Она не знала, что именно потеряет через три дня. Хорошо.

Незнание — единственная роскошь, которую у неё оставалась.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Они сидели на кухне — Павел и Арина — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила теле-

фон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — скидку на ковры. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Они сидели на кухне — Павел и Павел — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Ко-

роче». Миша обиделся. Потом согласился.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Галина Петровна позвонила в 7:12, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 6 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

Они сидели на кухне — Арина и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Павел сидел(а) у окна и думал(а) о том, что свадьба — это не финал фильма, где все улыбаются. Это скорее сериал: сезон закончился, но сценаристы ещё не решили, продлевать ли на второй. А родственники уже обсуждают спойлеры в семейном чате.

Иногда Павел ловил(а) себя на желании перемотать. Но жизнь не стриминг: только пауза, которую все называют «подумать», и кнопка «продолжить», которую все называют «ну давай уже».

За окном — Петербург. Красивый даже тогда, когда тебе не до красоты. Город не обидится. Он привык.

Глава 25. Петербург мокрый (эпизод 7)

Эпизод из жизни героев — Петербург мокрый. Свадьба близко, нервы на пределе, город мокрый.

Галина Петровна позвонила в 8:03, не спрашивая, удобно ли. «Я не мешаю?» — спросила она и, не дождавшись ответа, рассказала про соседку, которая «вышла замуж не за того и теперь страдает». Арина смотрела в потолок и считала: ещё 5 дней до собственной свадьбы. Счётчик не успокаивал.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Выбор фотографа: два кандидата. Один снимал «эмоции», другой — «эстетику». Арина выбрала эмоции. Павел — эстетику. Они выбрали третьего, подешевле. Компромисс — двигатель сюжета.

Они сидели на кухне — Арина и Лиза — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук

казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Ты меня ещё любишь? — спросила Арина.

— Я тебя... — Павел запнулся. — Я тебя плохо понимаю сегодня. Но это не то же самое, что «нет».

— А что это?

— Это «да, но мне нужна инструкция».

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Миша признался, что однажды написал анонимный отзыв о ресторане «Вкус и точка» — «нашли волос в супе», хотя волос был его собственный: он просто хотел бесплатный ужин. Ресторан закрылся через полгода. «Совпадение», — сказал Миша. Никто не поверил.

Арина проснулась в 8:03 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — скидку на ковры. Она подумала: «Если это знак, то очень плохо оформленный».

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Вечером город пах мокрым асфальтом и чужими решениями. Арина шёл(ла) по набережной Фонтанки и думал(а) о том, что свадьба — это не финал, а сезонный финал, после которого либо продление, либо отмена.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Арина проснулась в 7:12 и первым делом проверила телефон — не потому что ждала сообщений, а потому что так устроен XXI век: сначала экран, потом сознание. На экране — пропущенный от Павла. Она подумала: «Если это знак, то

очень плохо оформленный».

— Свадьба — это театр, — сказала Галина Петровна. — Главное — не показывать за кулисами.

— Мама, мы не на сцене.

— Всегда на сцене. Просто не всегда знаешь, где занавес.

Рассылка приглашений: одно ушло не тому Ивану. Тот Иван написал: «Я тоже приду, если можно с супругой». Супруги у него не было. Был кот. Арина ответила: «Кот — welcome».

Они сидели на кухне — Арина и Миша — и молчали так, как молчат только люди, которые уже сказали друг другу слишком много. Чай остывал. За окном кто-то смеялся. Звук казался неуместным, как смех в библиотеке.

— Я не злой человек, — сказал Миша.

— Злой человек так и говорит, — ответила Лиза.

— А хороший?

— Хороший молчит и моет посуду.

Репетиция речи: Миша произнёс «дорогие друзья» семь раз — каждый раз по-разному трагично. Павел сказал: «Короче». Миша обиделся. Потом согласился.

Павел сказал, что год писал фальшивые восторженные от-

звывы своим экскурсиям с пяти аккаунтов. «Это маркетинг», — оправдывался он. — «Это ложь», — сказала Арина. — «Маркетинг — красивая ложь», — добавил Миша.

Павел заварил кофе в турке, которую ему подарила тётя Юра с надписью «Не кипятись». Кофе получился горьким. Он решил, что это метафора, и выпил до дна — герои его историй никогда не оставляют чашку наполовину.

— Мы же договорились не говорить правду, — сказала Лиза.

— Мы не договаривались, — ответил Миша. — Мы выпили и забыли договориться.

— Это хуже.

Дегустация меню: Галина Петровна спросила, есть ли безалкогольное шампанское «для тех, кто не пьёт, но хочет казаться праздничным». Официант кивнул так, будто слышал это каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.